

2. Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: Дис. ... докт. филол. наук. – М., 2007. – 370 с.
3. Мурысов Р.З. Антропонимы в словообразовательной системе языка. – Уфа, 1982. – 120 С.
4. Сапожникова Л.М. Деонимика и гендер: антропонимические суффиксы в современном немецком языке // Семья в современном мире: социокультурные аспекты: Мат-лы науч.-практич. конф. студентов и преподавателей. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – С. 78–81.
5. Сапожникова Л.М. Словообразовательный потенциал антропонимов в качестве финальных компонентов сложных существительных // Слово в динамике: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. – Вып. 5. – С. 91–106.
6. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / Под ред. М.Д. Степановой. – М., 1979. – 536 С.
7. Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Hauptteil 4: Substantivkomposita. Berlin; NewYork, 1991. – 863 S.
8. Donalies E. Die Wortbildung des Deutschen. – Tübingen, 2002. – 190 S.
9. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – 5.Aufl. – Tübingen, 1983. – 350 S.
10. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – 2. Aufl. – Tübingen, 1995. – 382 S.
11. Geier S. Das neue Schimpfwörterbuch. Witzige, unverschämte und treffende Flüche, Beleidigungen und Schimpfwörter von A – Z. – Berlin, 1998. – 352 S.
12. Kunze K. dtv-Atlas Namenkunde: Vor- und Familiennamen im deutschen Sprachgebiet. – München, 1999. – 240 S.
13. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. – Stuttgart; München; Düsseldorf; Leipzig, 1997. – 960 S.
14. Schippan Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – 2. Aufl. – Tübingen, 2002. – 306 S.

Н.В. Семенова

РАССКАЗ А.П. ЧЕХОВА «СПАТЬ ХОЧЕТСЯ»:
ОПЫТ ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Нидерландский теоретик языка Т.А. ван Дейк, относя понятие дискурса к наиболее расплывчатым и с трудом поддающимся определению, выделяет «дискурс в узком смысле»: «письменный или речевой *вербальный продукт* коммуникативного действия», «завершенный или продолжающийся» [2].

Связность дискурса диктует определенные правила его построения, среди которых: (1) отсутствие значительных лакун между обозначениями денотатов; (б) рекурсивность предикативного механизма; (в) рассмотрение иерархии, а не линейной цепочки предикатов [1: 51].

Выделяя уровни дискурса, ван Дейк, в отличие от макроструктур и сверхструктур, к низшим уровням относит структуру тема–рематическую [3: 48]. Однако художественное произведение подчиняется особым законам, и функции низших уровней в нем могут изменяться сообразно эстетическому заданию.

Теоретики новеллы в качестве одного из законов жанра отмечают симметрическую структуру, реализующуюся на разных уровнях. М.А. Петровский описал трехчленную и пятичленную симметрию новеллистической композиции [6: 71]. И.П. Смирнов симметрию (или параллелизм) в новелле выводит из редукционизма жанра [7: 5]. Тот же принцип симметрии реализуется в новелле «Спать хочется» на тема–рематическом уровне.

Чтобы показать работу сознания персонажа и автора, мы обратились к актуальному членению предложения. Актуальное членение основано на выделении значимой части высказывания, где есть «данное» – тема («топик») и «новое о данном» – рема («коммент»). На том же принципе вычленения значимой части ситуации, выделения фигуры из фона основан механизм ориентировочного рефлекса. Как следствие, о расстройстве ориентировочного рефлекса, нарушении работы сознания персонажа сигнализирует тема–рематический уровень. Путем сплошной выборки нами были построены две тема–рематические цепочки внутри семантических полей СОН и КРИК (см. таблицу).

Таблица

Семантическое поле СОН	Семантическое поле КРИК
1. Спать хочется 2. спать нельзя 3. спать, спать 4. засыпают крепко, спят сладко 5. крепко спят: <i>«люди с котомками на спинах и тени разлеглись и крепко спят»</i> 6. спать хочется: <i>«Варьке страстно хочется спать»</i> 7. спать хочется: <i>«А спать хочется по–прежнему, ужасно хочется!»</i> 8. спать хочется: <i>«Когда бегаешь и ходишь, спать уже не так хочется, как в сидячем положении»</i> 9. хочется спать: <i>«Бывают минуты, когда хочется, ни на что не глядя, повалиться на пол и спать»</i> 10. <i>«... чтобы прогнать сон»</i> 11. <i>«... хозяева ложатся спать»</i> 12. спать, спать, спать 13. можно спать* 14. спит крепко* , как мертвая	1. ребенок кричит 2. кричит сверчок 3. «облака кричат, как ребенок» 4. «вороны и сороки кричат, как ребенок» 5. кричит сверчок 6. ребенок кричит

В первой тема-рематической цепочке отмечены позиции, которые маркируют концовку произведения. Движение от конца к началу в пределах семантического поля СОН должно показать, как концовка вписывается в общую структуру новеллы.

Ю.М. Лотман писал, что «категории “начала” и “конца” являются исходной точкой, из которой в дальнейшем могут развиваться и пространственные, и временные конструктивные построения». При этом «сильная отмеченность одной из этих категорий (начала – конца) отнюдь не обязательно подразумевает аналогичную структурную позицию другой» [4: 427]. Особое значение конца в новелле отмечал М.А. Петровский: «Внимание должно быть захвачено и напряжено, как тетива натянутого лука... Разрешение напряжения в сюжетном отношении есть развязка. Цель достигнута – напряжение разрешено» [6: 65].

Проблематичным остается вопрос о границах конца. И.В. Фоменко определяет конец как последнюю фразу, реплику, абзац, эпилог [8: 72]. Уникальным представляется случай, когда конец произведения обозначен самим автором, дописавшим концовку при повторной публикации. В новелле Чехова «Спать хочется» первоначально история заканчивалась фразой: «Смеясь, подмигивая и грозя зеленому пятну, Варька подкрадывается к колыбели и наклоняется к ребенку» [19: 521]. Развязка дана и здесь, хотя и имплицитно представленная. И все же, повинувшись представлению о гармонии целого, Чехов финал изменил. Логично предположить, что таким образом достраивались те уровни структуры, которые отвечают за целостность произведения.

В семантическом поле СОН концовка достраивает тема-рематическую цепочку. При этом два словосочетания «можно спать» и «спит крепко» рифмуются с началом повествования.

Словосочетания «спать нельзя» и «можно спать» обнаруживают не только сходство, но и антитетичность. Помимо того что «можно» и «нельзя» – антонимы, имеет место инверсия. И если с позиций грамматических сохраняется тождественность конструкций (предложения «а спать нельзя» и «что ей можно спать» – односоставные безличные), то с позиций актуального членения происходят существенные смысловые сдвиги.

В случае «спать нельзя» «спать» – это тема, а «нельзя» – рема. Рема содержит наиболее значимую часть информации и в русском языке, в норме, расположена после темы. Таким образом, в сообщении актуализируется запрет, исходящий извне, и реализуется точка зрения Варьки. Далее в предложении следует: «... если Варька, не дай бог, уснет, то хозяева прибьют ее» [10: 7] (в первом варианте «Петербургской газеты»: «прибьют ее и выгонят» [10: 521]).

Конструкция «спать можно» означала бы снятие запрета, однако изменение порядка слов («можно спать») делает невозможным актуальное членение и переводит сообщение в план бытийности, простой констатации факта.

Сочетание «можно спать» отсылает и к «исходной точке сообщения» (ван Дейк) – заглавию «Спать хочется». Еще Петровский писал о том, что у Чехова «заглавие как структурный момент обычно неустранимо из целого новеллы» [6: 81]. Здесь заглавие дополнительно маркирует одну из частей триадической

структуры новеллы: «Спать хочется» – соотносится с предысторией; «спать нельзя» – с историей; «можно спать» – с постисторией.

Конструкция «спит крепко» в последнем предложении рассказа коррелирует с сочетанием «крепко спят» (позиции 14 и 5). Прямой порядок слов в русском языке предписывает положение наречия перед глаголом. Инверсированность конструкции «спит крепко» не приводит, однако, автоматически к мене темы–ремы. Темой остается сон, ремой – его крепость. Однако в первом случае при прямом порядке слов («крепко спят») возникает представление о мирном, продолжительном сне, чего нет в экспрессивно окрашенной конструкции «спит крепко».

Антитетичность конструкций рассказа может быть связана с прирастанием новых предикатов (рем). Если к тому же учесть, что полипредикативность называется как один из критериев выделения ключевых слов [8: 40], то в словосочетаниях «засыпают крепко, спят сладко» и «спит крепко, как мертвая», где есть два предиката («крепко», «сладко» и «крепко», «как мертвая») дополнительно маркируются ключевые слова «спят»/«спит». Словосочетание «спит крепко, как мертвая» отсылает еще к одному предикату в составе устойчивого выражения «спит, как убитый» [9: 487]. Чехов отказался от использования фразеологизма, очевидно, потому, что в контексте только что совершившегося убийства могла иметь место утрата тропеического значения и, как следствие, актуализация первичного значения слова «убитый».

Желание спать получает отражение в почти правильном чередовании сочетаний «спать хочется» и «хочется спать» (позиции 1, 6, 7, 8).

Симметричные инфинитивные конструкции «спать, спать» и «спать, спать, спать» (3-я позиция от начала и 3-я – от конца) обозначают необходимость или неизбежность действия. При этом они дополнительно маркируют параллелизм событий: «Вдруг люди с котомками и тенями падают на землю в жидкую грязь. “Зачем это?” – спрашивает Варька. “Спать, спать!” – отвечают ей» [10: 8]; «Убить ребенка, а потом спать, спать, спать...» [10: 12].

Семантическое поле КРИК антитетично по отношению к семантическому полю СОН. Это согласуется с позицией французского исследователя Флоранс Гойе, которая структурные изменения в антиновелле Чехова связывает с заменой неожиданной развязки антитезой [11: 81].

Вторая тема–рематическая цепочка состоит из шести звеньев, симметрично расположенных.

В первом и шестом примерах в конструкции «ребенок кричит» обозначена точка зрения повествователя. Прямому порядку слов соответствует традиционное в русском языке расположение темы–ремы. «Данное» (тема) выносится в начало предложения, «новое о данном» (рема) – в конец. Авторское присутствие выявляется и в назывании героини по имени: «А Варьке хочется спать» [10: 7] и «Варька видит опять грязное шоссе» [10: 11].

Словосочетание «кричит сверчок» эксплицирует точку зрения девочки Варьки, выступая как знак разговорной речи. Для разговорной речи характерно выдвижение на первое место ремы; это является также свидетельством особой значимости ее для говорящего [5: 244]. Здесь мы имеем дело с несобственно-прямой речью. Вместе с тем конструкция «кричит сверчок» отмечена

появлением ложного топика, что соответствует общей фантастичности и даже сюрреалистичности образов, продуцируемых сознанием героини. «Крик» сверчка создает представление о несообразно увеличившихся его размерах; разрастается, «пухнет» калоша и другие предметы. При этом голова Варьки уменьшается до размеров булавоочной головки.

В 3-м и 4-м примерах («облака кричат, как ребенок», «вороны и сороки кричат, как ребенок») зафиксирован двойной угол зрения и, соответственно, двойные топики. Ложные топики («облака», «вороны и сороки») возникают во сне Варьки, и это не меньше, чем зеленое пятно и тени, «туманит ей мозг». Топик «ребенок» («кричат, как ребенок»), маркируя авторскую точку зрения, в обоих случаях выражает истину, скрытую от героини. Этим можно объяснить изъятие из окончательной редакции единственного фрагмента, где кричащий ребенок дан в восприятии Варьки: «Она ни о чем не думает и только чувствует, что едва замолчит ребенок (курсив мой. – Н.С.), как она уснет тотчас же, не вставая с табурета» [10: 521].

Абсолютная симметрия второй тема-рематической цепочки нарушается финальной катастрофой в семантическом поле КРИК. «Прислушавшись к крику», Варька находит своего врага – ребенка. Расстройство ориентации происходит тогда, когда зрительные образы вытесняются слуховыми (установлено, что только 10 % информации человек получает на слух). Момент слухового, а не зрительного восприятия специально подчеркнут во вставном эпизоде – сне Варьки о прошлой жизни: ей «не видно, но слышно»; она «не видит, но слышит». В результате тема и рема меняются местами: крик – это теперь единственное данное, а новое о данном – ребенок.

Проведенный анализ позволяет судить об уникальной дешифруемой смысловой структуре текста. Тема-рематический уровень в рассказе Чехова порождает целостность произведения и, вопреки деструктивному финалу, создает представление о возможном гармоническом времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахутина Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1989. – 215 с.
2. Дейк ван Т.А. К определению дискурса
<<http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>>
3. Дейк ван Т., Кинч В. Макростратегии // Дейк ванн Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ.: Сб. работ. – М.: Прогресс, 1989. – С.41–67.
4. Лотман Ю.М. О моделирующем значении понятий «конца» и «начала» в художественных текстах // Лотман Ю.М. Семиосфера. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Изд-во «Искусство – СПб.», 2001. – С.427–430.
5. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: Сб. ст. – М.: Прогресс, 1967. – С.239–245.
6. Петровский М.А. Морфология новеллы // Поэтика: Хрестоматия. – М.: Изд-во Российского открытого университета, 1992. – С.61–91.
7. Смирнов И.П. О смысле краткости // Русская новелла. Проблемы истории и теории: Сб. ст. – СПб.: Изд-во Петербургск. ун-та, 1993. – С.5–12.

8. Фоменко И.В. Практическая поэтика: Учеб. пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 192 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.
10. Чехов А.П. Собрание сочинений: В 18 т. – М.: Наука, 1977. – Т.7. – 733 с.
11. Goyet F. Le rôle de la «pointe» dans les nouvelles de Tchekhov et Maupassant // Чеховиана. Чехов и Франция. – М.: Наука, 1992. – С.80–87.

И.В. Соловьева

ПОНЯТИЕ КОНТЕКСТА В ЕГО ОБРАЩЕНИИ НА ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Настоящая статья посвящена обсуждению некоторых аспектов, касающихся роли и структуры контекста в герменевтике дискурсивной коммуникации.

В лингвистике и философии языка сложилась традиция увязывать речь с деятельностью по ее пониманию. В той или иной мере интерпретативность представлена в речевой деятельности независимо от того, какое из направлений в пределах лингвистики ее исследует. Это предлагает основу для герменевтического подхода, придает обоснованность присутствию интерпретативности в ходе восстановления смысла, в том числе и в качестве вербального оформления понятого. Герменевтика, таким образом, получает возможность занять до сих пор пустующую «нишу» междисциплинарного основания, способного объединить компоненты философско-методологического направления, логико-философских исследований и когнитивно-психологического направления в лингвистике, так как интерпретация в качестве задачи или метода так или иначе представлена в понятийно-категориальной и методологической составляющих указанных научных направлений, тем более что некоторые центральные категории герменевтики, такие как собственно «понимание», «рефлексия», «интерпретация», «смысл» – с относительно различным содержательным наполнением – присутствуют в терминологической парадигме этих дисциплин.

Понятие контекста, его определяющая роль в коммуникации, широко представлены в классической лингвистике, и вопросы понимания через интерпретацию следует обсуждать с его учетом.

Роль контекста как фактора, позволяющего выявить все нормы и потенции, заложенные в *тексте* как в отдельном фрагменте языковой системы в целом, или определить степень истинности содержащейся в нем информации, уже в герменевтике текста расширяется пропорционально усилению значимости категории понимания, представляющего собой фено-